

О ПИСЬМЕ ОЛЬГЕРДА ПАТРИАРХУ ФИЛОФЕЮ

Дошедшее до наших дней послание великого князя литовского Ольгерда константинопольскому патриарху Филофею Коккину хорошо известно специалистам. В тексте не указана дата его составления. В конце августа 1371 г. Филофей почти полностью процитировал его в своем послании митрополиту Киевскому и всея Руси Алексию. Оба письма написаны на среднегреческом языке и содержатся в первом из двух сборников актов Константинопольского патриархата 1315–1404 г., которые в середине XVI в. были вывезены из Стамбула (Константинополя) в Австрию дипломатом и ученым Ожье Гисленом де Бусбеком [Григорович, с. 134]. Ныне сборники хранятся в Австрийской национальной библиотеке в Вене, по каталогу греческих рукописей № 47 и № 48¹.

Впервые оригинал письма Ольгерда с переводом на русский язык был издан В. И. Григоровичем в 1847 г.² Затем письма Ольгерда и Филофея в оригинале были изданы Ф. Миклошичем и Й. Мюллером в 1860 г.³, а впоследствии были опубликованы с переводом А. С. Павлова на русский язык в 1880 и 1908 г.⁴

В первых двух публикациях письмо Ольгерда не датировалось, однако ряд историков без пояснений датировали его 1371 г. [Макарий (Булгаков), с. 44–45; Борзаковский, с. 168–169]. Затем так же поступил А. С. Павлов. По всей видимости, эта датировка исходила из расположения письма в рукописи. Ряд документов сборника, которые будут нас интересовать в этой связи, расположены в следующей последовательности. На обороте л. 297 находится недатированное письмо польского короля Казимира Филофею с просьбой о восстановлении Галицкой митрополии⁵. Желание Казимира было связано с тем, что в результате многолетнего конфликта между Ольгердом и Алексием последний утратил доступ ко многим западнорусским епархиям⁶. В том числе и находившиеся под властью Польши русские земли фактически остались без митрополита. На л. 298 расположен акт соборного деяния, датированный маем 1371 г., о возведении посланного к патриарху епископа Антония в сан галицкого митрополита⁷. За этим актом на обороте того же листа следует недатированное письмо Ольгерда с жалобами на митрополита Алексия и с просьбой о поставлении особого митрополита на епархии Великого княжества Литовского и некоторые другие русские земли⁸. Затем на л. 299 отражено письмо Филофея к Алексию от

¹ Сборник № 47 содержит акты 1315–1375 г. и написан на бумаге с филигранями 1313–1380 г. По мнению Ж. Даррузеса, в конце XIV в. в таком виде он не существовал. Сборник № 48 содержит акты 1379–1404 г. и написан на бумаге с филигранями 1367–1383 г. Во всем комплексе актов сборников № 47 и № 48 имеются существенные утраты (Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat Byzantin au XIVe siècle. Paris, 1971. P. 7–32).

² Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // ЖМНП. СПб., 1847. Ч. LIV. № 6. Отд. 2. С. 148–152.

³ Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCXXII e codicibus manuscriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis / Fr. Miklosich, Ios. Müller. Vindobonae, 1860. Т. I. № 320–321. P. 580–585.

⁴ РИБ. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. VI. Прил. № 24. Стб. 135–140; № 25. Стб. 145–148.

⁵ Там же. Прил. № 22. Стб. 125–128; Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия. № 27. С. 145–147; Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat Byzantin au XIVe siècle. P. 117. № 133.

⁶ Как позже писал митрополит Киприан, «Олексеви митрополиту не волно было слати ни в Волиньскую землю, ни в Литовскую владыку которого, или звати, или дозрети которое дело церковное, или поучити, или посварити на кого, или казнити виноватого, или владыку или архимандрита, или игумена, или князя поучити, или боярина» (РИБ. Т. VI. Прил. № 20. Стб. 183).

⁷ РИБ. Т. VI. Прил. № 23. Стб. 129–134; Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия. № 28. С. 148; Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat Byzantin au XIVe siècle. P. 117. № 134.

⁸ РИБ. Т. VI. Прил. № 24. Стб. 135–140; Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия. № 29. С. 148–152; Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat Byzantin au XIVe siècle. P. 117. № 135.

августа 1371 г.⁹ Патриарх писал, что ему пришлось удовлетворить просьбу короля Казимира, сообщал об Ольгердовых жалобах на Алексия, цитировал письмо литовского господаря и желал подробнее разобраться в этом деле.

Впоследствии многие историки без каких-либо оговорок полагались на датировку в публикации А. С. Павлова [Грушевский, с. 77; Любавский, с. 89; Kuczyński, р. 59; Флоря, 1980, с. 152–153; Meyendorff, р. 288–289; Шабульдо, с. 108–109; Ключ, с. 202]. При этом не обращали внимания на то, что сам по себе порядок расположения актов в рукописном сборнике не является надежным аргументом. Напротив, зачастую акты размещены в нем хронологически непоследовательно, в основном они сгруппированы по содержанию¹⁰. В работе 1978 г. Г. М. Прохоров привел новый аргумент в пользу этой датировки. По его мнению, Ольгерд «мог последовать примеру польского короля Казимира, который достиг в 1371 г. образования отдельной Галицкой митрополии» [Прохоров, с. 22]. Вскоре в схожем ключе высказался В. А. Кучкин: просьба литовского господаря поставить особого митрополита на «Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль и Нижний Новгород» была продиктована тем прецедентом, что в мае 1371 г. Галицкая митрополия была отделена от митрополии Киевской и всея Руси [Кучкин, 1980, с. 78; Кучкин, 1984, с. 146]. Ряд историков согласился с этим доводом [Горский, 1996, с. 91, 108, примеч. 117; Чернов, с. 162–163; Голубев, с. 167–168, 173–175; Шеков, с. 78; Темушев, с. 134]¹¹. В. Л. Янин уточнил, что «послание направлено в период подготавливаемых или уже начавшихся переговоров о перемирии между Москвой и Литвой» (имеются в виду переговоры о «вечном мире» конца июня — начала июля 1371 г.) [Янин, с. 54, 59, примеч. 64]. Однако эту датировку следует пересмотреть.

Еще на рубеже XIX–XX в. Е. Е. Голубинский полагал, что Ольгерд написал свое письмо вслед за польским королем или одновременно с ним [Голубинский, с. 208–210]. Он не приводил конкретных аргументов, но его мысль можно развить. В актах 1347 г. об упразднении прежней Галицкой митрополии было указано, что тогда она распространялась на Малую Русь, которая находилась в местности, называемой Вольнью. В ней было шесть епархий: Галицкая, Владимирская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская¹². Еще с 1340 г. король Казимир начал борьбу за галицко-вольнские земли, а позже отнял у Литвы часть из них [Шабульдо, с. 49–50]. В письме к Филофею он называл себя «королем земли Ляшской и Малой Руси»¹³. В мае 1371 г. патриарх со Священным собором удовлетворили его просьбу — воссоздали Галицкую митрополию, включив в нее епархии Малой Руси, за исключением Луцкой и Туровской, которые сохранялись в составе Великого княжества Литовского¹⁴. Однако еще в 1354–1355 г. Ольгерд отнял все епархии Малой Руси у митрополита Алексия¹⁵. После суда в Константинополе они вошли в состав Литовской митрополии и в 1356–1362 г. находились в ведении литовского митрополита Романа¹⁶. В письме к Филофею Ольгерд называл себя «василевсом (царем) Литвы» и тем самым ставил себя выше короля. Он желал воссоздать Литовскую митрополию с включением в нее Малой Руси¹⁷, то есть,

⁹ РИБ. Т. VI. Прил. № 25. Стб. 141–150; Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия. № 30. С. 152–154; Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat Byzantin au XVe siècle. P. 117. № 136.

¹⁰ Примеров хронологической непоследовательности в сборнике довольно много. Например, на л. 268–270 в нем содержатся письма патриарха Филофея в русские земли, датированные 1370 г. Затем на л. 271–272 идут письма 1367, 1370 и снова 1367 г. (Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCXXII e codicibus manuscriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis. P. 516–530; РИБ. Т. VI. Прил. № 15–21. С. 91–124; Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия. № 19–25. С. 97–144; Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat Byzantin au XVe siècle. P. 114–115. № 74–85).

¹¹ Эта датировка использовалась и мной [Беспалов, 2012, с. 57; Беспалов, 2014, с. 265–266].

¹² РИБ. Т. VI. Прил. № 3. Стб. 14, 18; № 7. Стб. 38.

¹³ Там же. Прил. № 22. Стб. 125–126.

¹⁴ Там же. Прил. № 25. Стб. 146.

¹⁵ В 1354–1355 г. Ольгерд напал на Алексия, когда тот совершал поездку по Малой Руси. Алексию едва удалось бежать (РИБ. Т. VI. Прил. № 30. Стб. 165–168).

¹⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Вып. 1. Стб. 64–65; РИБ. Т. VI. Прил. № 13. Стб. 73–76.

¹⁷ РИБ. Т. VI. Прил. № 24. Стб. 140.

видимо, всей ее территории, а также претендовал на политическое подчинение себе всех отошедших к Польше галицко-волинских земель. Следовательно, письмо Ольгерда было составлено либо до того, как он узнал о планах Казимира поставить на Малую Русь своего митрополита, либо в конкуренции с ним. После воссоздания Галицкой митрополии просьба Ольгерда в отношении Малой Руси теряла бы смысл или выглядела бы иначе¹⁸. К сожалению, письмо короля Казимира тоже не датировано. Е. Е. Голубинский ссылаясь на замечание А. С. Павлова о том, что, прибыв в Константинополь, епископ Антоний довольно долго ждал своего поставления, это означает, что послание Казимира было составлено не позднее 1370 г.¹⁹ Следует уточнить, что польский король мог писать письма только до своей смерти, то есть до 5 ноября 1370 г.²⁰

С другой стороны, Е. Е. Голубинский указал, что после похода Ольгерда на Москву 1368 г. митрополит Алексей жаловался на него Филофею. Патриарх написал литовскому господарю уведомительную грамоту, вследствие чего Ольгерд и ответил Филофею на жалобы Алексея [Голубинский, с. 209–210]. Вскоре схожее наблюдение сделал Г. Крюгер [Krüger, s. 358–361]. Затем эту точку зрения дополнил и развил П. П. Соколов. Он заметил, что грамота Ольгерда написана вскоре после не дошедшего до нас послания Филофея Ольгерду по делу митрополита Алексея, которое, вероятно, было написано одновременно с посланиями Филофея в Москву (от июня 1370 г.). В декабре же 1370 г. между Москвой и Литвой был заключен «вечный мир», исключавший возможность тех требований, которые Ольгерд предъявлял в своем письме к Филофею [Соколов, с. 401]. Согласно русским летописям, в декабре 1370 г. был заключен временный мир (перемирие), а «вечный мир» был заключен на полгода позже²¹. Вскоре А. Е. Пресняков отметил эту ошибку П. П. Соколова, тем не менее он полагал, что его датировка «между июнем и декабрем 1370 года» по существу приемлема [Пресняков, с. 311].

На А. Е. Преснякова сослался Г. Пашкевич, однако при этом предложил совершенно иную датировку. По его мнению, письмо Ольгерда было написано в последних днях 1370 — первых месяцах 1371 г., поскольку из него следует, что оно отправлено после похода литовского господаря на Москву [Paszkiwicz, s. 417]. Г. Пашкевич не объяснил, почему следует иметь в виду именно второй поход (конца 1370 г.), а не первый (конца 1368 г.). В работе 2003 г. В. А. Кучкин изменил свое прежнее мнение и приблизился к датировке Г. Пашкевича. По словам Ольгерда, тот напал на москвичей из-за того, что они отняли у него много городов. Часть этих городов была захвачена князем Владимиром Андреевичем летом 1368 г.²² Однако московские нападения на литовские города происходили и в 1370 г.²³ В этой связи В. А. Кучкин полагает, что упомянутое в письме нападение Ольгерда в ответ на захваты москвичей — это его второй поход на Москву, закончившийся в середине декабря 1370 г. Если же учесть, что обычно послы из Восточной Европы ездили в Константинополь в летнее время года, то послание могло быть написано и летом 1371 г. Поэтому письмо Ольгерда можно датировать концом 1370 г. — летом 1371 г. [Кучкин, 2003, с. 104–105]. В новой датировке В. А. Кучкина, как и в случае с датировкой Г. Пашкевича, требует проверки вопрос: о каком своем походе на Москву писал Ольгерд — о первом или о втором?

¹⁸ Если бы Ольгерд писал Филофею после воссоздания Галицкой митрополии, то в своем притязании на вхождение Малой Руси в Литовскую митрополию ему следовало бы указать, что его не устраивает особый галицкий митрополит — точно так же, как Ольгерд указал, что его не устраивает митрополит Алексей. Если же Ольгерд отказывался бы от польской части Малой Руси, то следовало бы указать о своих притязаниях только на Луцкую и Туровскую епархии.

¹⁹ См.: РИБ. Т. VI. Прил. № 22. Стб. 125–126.

²⁰ В результате травмы, полученной на охоте 9 сентября 1370 г., король Казимир почти два месяца болел, 3 ноября было составлено его завещание, а 5 ноября он умер (Kronika Janka z Czarnkowa Przetłómaczona według tekstu wydanego przez Augusta Bielowskiego. Lwów, 1907. S. 6–9).

²¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 94–95, 96.

²² Там же. Стб. 87.

²³ Там же. Стб. 91, 92.

В историографии различные датировки письма Ольгерда по большей части оказались разрозненными. Исследователи зачастую не учитывали разнообразие аргументов своих предшественников. Если это и происходило, то не всегда приводило к прогрессу. Так, С. М. Кучинский в одном месте своего труда использовал датировку А. С. Павлова, а в другом — Г. Пашкевича, но при этом одновременно ссылаясь и на А. Е. Преснякова, и на Г. Пашкевича, датировки которых расходятся [Kuczyński, s. 59, 191].

Несомненно, сведения источника могут и должны быть использованы для его датировки. Затем датировка источника влияет на использование его сведений в исторической реконструкции — на выстраивание хронологической последовательности событий и выяснение причинно-следственных связей между ними. Поэтому датировка источника очень важна и по возможности должна опираться только на надежно установленные датирующие признаки.

Как справедливо заметили Е. Е. Голубинский и П. П. Соколов, из письма Ольгерда следует, что оно было ответом на не дошедшее до нас послание Филофея, в котором патриарх упоминал о жалобах митрополита Алексия на литовского господаря²⁴. Эти жалобы были доставлены в Константинополь во время посольства митрополичьего человека Аввакума и великокняжеского человека Даниила. Через них Филофей получил письма от Алексия, князя Дмитрия Московского и его брата Владимира Андреевича (в будущем — серпуховского князя)²⁵. Основными темами московского посольства было нападение на Москву Ольгерда в 1368 г., а также неповиновение Алексию и князю Дмитрию новгородского архиепископа.

Московско-литовский и московско-тверской конфликт конца 60-х — начала 70-х годов XIV в. не раз рассматривался в историографии [Борзаковский, с. 155—170; Черепнин, с. 557—575; Ключ, с. 177—182, 195—207; Кучкин, 1980, с. 68—70, 72—83, 87—93]. Его начало в значительной степени было связано с вмешательством митрополита Алексия в тверские дела в качестве третейского судьи. Еще в 1365—1366 г. князь Еремей Константинович Дорогобужский при поддержке своего дяди князя Василия Михайловича Кашинского отстаивал свое право на наследование Белого Городка. Прежде эта доля Тверской земли принадлежала брату князя Еремея — князю Семену Константиновичу, умершему накануне от эпидемии чумы. Суд по этому делу митрополит Алексий поручил тверскому владыке, который решил его в пользу князя Михаила Александровича Тверского²⁶. Однако затем митрополит Алексий присудил Белый Городок князю Еремею. Князь Михаил Тверской был вынужден бежать в Литву к своему зятю (мужу своей сестры) Ольгерду. К зиме 1367—1368 г. он вернулся в Тверскую землю и стал одерживать верх над своими родичами-соперниками. К началу 1368 г. князь Михаил заключил мир с князьями Еремеем и Василием, а затем — и с князем Дмитрием Московским. Однако вскоре князь Еремей поехал в Москву и снова стал просить разрешения своего дела²⁷. В том же году митрополит Алексий и князь Дмитрий Московский с миром позвали князя Михаила Тверского в Москву. Однако там схватили его и забрали Белый Городок в пользу князя Еремея. Лишь прибытие ордынского посла спасло князя Михаила, и он был отпущен в Тверь²⁸. Вскоре князь Дмитрий послал на князя Михаила войско. Тот снова поспешил в Литву и просил помощи у Ольгерда. В ноябре 1368 г. литовский господарь со своими войсками, князем Михаилом Тверским и смоленской ратью совершили первый поход на Москву. Их вторжение началось через владения князей тарусского дома, союзных Москве, затем они разбили московский сторожевой полк, подошли к

²⁴ РИБ. Т. VI. Прил. № 24. Стб. 135—136.

²⁵ В июне 1370 г. патриарх Филофей написал письмо князю Владимиру Андреевичу, вероятно, в связи с тем, что сам получил от него письмо (РИБ. Т. VI. Прил. № 16. Стб. 102).

²⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 81.

²⁷ Там же. Стб. 84—85.

²⁸ Там же. Стб. 87.

Москве, три дня разоряли ее окрестности, но каменную крепость не взяли и отошли прочь²⁹. В итоге зимой 1368–1369 г. москвичам пришлось отступить от Белого Городка в пользу князя Михаила Тверского³⁰.

Той же зимой князь Владимир Андреевич ходил в Великий Новгород на помощь псковичам против немцев. Псковичи вели войну с Немецким орденом с 1367 г., но при этом не получали желаемой военной помощи от москвичей и новгородцев, а их дипломатическим посредничеством были не удовлетворены. В свою очередь, новгородцы не спешили разрывать свой мир с немцами, чтобы не нарушить свою торговлю в немецких городах³¹. По мнению В. А. Кучкина, князь Владимир тоже должен был способствовать примирению с немцами, поскольку они уже много лет также находились в состоянии войны с Литвой, что было выгодно Москве [Кучкин, 2003, с. 113–114, примеч. 217]. Позже Ольгерд писал патриарху Филофею: «Митрополиту следовало бы благословить московитян, чтобы помогли нам, потому что мы за них воюем с немцами»³².

Между тем у новгородцев обнаружилась самостоятельная позиция по поводу сложившейся политической ситуации. Вероятно, в ходе поездки князь Владимир не смог достичь согласия с новгородским архиепископом. Тот не оказал должного почтения и уважения к митрополиту Алексию и князю Дмитрию, противился и противоречил им. Митрополит Алексий вынужден был наложить на него епитимию³³. Подобные же меры он предпринял по отношению к тем русским князьям, которые выступили на стороне Ольгерда и князя Михаила Тверского. Может быть, весь 1369 г. был потрачен на выяснение отношений с ними? В итоге московское посольство к патриарху Филофею было отправлено, видимо, лишь с наступлением весны 1370 г.

По опыту путешествия митрополита Пимена в 1379 г. известно, что путь от Москвы до Константинополя мог занимать около двух с половиной месяцев³⁴. Так или иначе, но о московских и новгородских событиях 1368–1369 г. патриарх Филофей узнал лишь к июню 1370 г. В ответ вступительную часть своего письма он посвятил тому, чтобы напомнить Алексию, что священные каноны предписывают всем поместным архиереям приходить в Константинополь самим или присылать своих послов ежегодно³⁵. По всей видимости, слова патриарха были связаны именно с тем, что в 1369 г. Алексий нарушил это правило.

Из ответных писем Филофея в общих чертах известно содержание писем московского посольства. Князь Дмитрий Московский писал, что его правление идет хорошо, он находится в хороших отношениях с митрополитом Алексием, жаловался на неких князей и просил патриарха обратиться к ним от своего имени³⁶. Алексий в своем послании доносил патриарху о гибели христиан от Ольгерда³⁷, о князе Святославе Смоленском и еще о неких князьях, нарушивших свои клятвы и условия мирных договоров, так что их пришлось отлучить от церкви³⁸. Кроме того, жаловался

²⁹ Там же. Стб. 88–90; ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. С. 184–185.

³⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 90.

³¹ Там же; ПСРЛ. М.; Л., 1950. Т. III. С. 370; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 28, 104–105.

³² РИБ. Т. VI. Прил. № 24. Стб. 139–140.

³³ Впоследствии новгородскому архиепископу Алексию вменялось в вину не только не оказание должного почтения и уважения к митрополиту и московскому князю, но и то, что он, вопреки каноническому праву, стал носить на своей фелони четыре креста. Патриарх Филофей предписывал ему сложить кресты со своей фелони и повиниться московскому князю и митрополиту. В таком случае ему было обещано смягчение епитимии, иначе митрополит был волен лишить его архиерейства (РИБ. Т. VI. Прил. № 19. Стб. 115–118). Вскоре новгородский архиепископ примирился с митрополитом и московским князем, но продолжал носить четыре креста на фелони и при этом сохранил за собой новгородскую кафедру [Севастьянова, с. 218–221]. Следовательно, митрополиту и московскому князю в первую очередь было важно его повинование.

³⁴ Митрополит Пимен выехал из Москвы 13 апреля и прибыл в Константинополь 29 июня 1379 г. (Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 276–278).

³⁵ РИБ. Т. VI. Прил. № 17. Стб. 103–108.

³⁶ Там же. Прил. № 16. Стб. 97–104.

³⁷ Там же. Прил. № 25. Стб. 146.

³⁸ Там же. Прил. № 20–21. Стб. 117–124.

на новгородского архиепископа³⁹. Вероятно, Алексий также писал о князе Михаиле Тверском и его людях, на которых он наложил епитимию (возможно, отлучил их от причастия или запретил совершать иные церковные таинства)⁴⁰. В июне 1370 г. Филофей отвечал, что исполнил просьбы князя Дмитрия и митрополита Алексия — составил ряд грамот, отправил их по назначению, а им посылает их копии⁴¹.

Одна из грамот Филофея была обращена к отлученному от церкви князю Святославу Смоленскому. В схожей по содержанию грамоте говорилось о других отлученных от церкви русских князьях. Мотивы для их отлучения были представлены Алексием таким образом, что ранее они якобы клялись московскому князю «чтобы всем вместе идти войною против чуждых нашей вере». Однако затем нарушили клятву и выступили на стороне «безбожно поклоняющихся огню». В. А. Кучкин справедливо заметил, что у князей-изменников накануне похода на Москву, по всей видимости, имелись докончания с московским князем, направленные против Литвы [Кучкин, 1980, с. 74–76]. Стоит лишь сделать оговорку, что договорные отношения русских князей между собой никогда не были направлены против «чуждых православной вере», а нарушения договоров никогда больше не являлись основанием для отлучения князей от церкви. Тем не менее, доверившись словам Алексия, Филофей подтвердил правильность их отлучения, а прощение их грехов поставил в зависимость от его воли⁴².

Еще одна грамота Филофея была обращена вообще к «князьям всея Руси», которых он просил и впредь почитать и слушаться митрополита Алексия⁴³. С тем же предписанием Филофей обращался к новгородскому архиепископу, иначе грозил ему лишением архиерейства⁴⁴.

Некоторые послания Филофея, составленные тогда же в июне 1370 г. или чуть позже, не сохранились. Во-первых, это письмо к князю Владимиру Андреевичу, о котором патриарх упоминал в послании к князю Дмитрию Московскому⁴⁵. Во-вторых, особое письмо могло быть направлено к князю Михаилу Тверскому, как к одному из главных участников конфликта. В-третьих, «услышав о гибели тамошних христиан», Филофей написал письмо Ольгерду, в котором излагал жалобы митрополита Алексия⁴⁶. Послание было направлено вместе с Ольгердовым человеком Федором.

Содержание посольства Федора к Филофею не известно. Можно лишь догадываться, что к лету 1370 г. по своей инициативе Ольгерд не стал бы жаловаться на давние деяния митрополита в отношении Твери, за которые уже отомстил походом на Москву в 1368 г. В августе 1370 г. предстояли переговоры о мире между Москвой и Тверью при посредничестве тверского владыки⁴⁷. Поэтому ставить вопрос об отделении Тверской епархии от митрополии Киевской и всея Руси тоже было бы неуместно. Тем более вряд ли Ольгерд вспоминал обиду за своего зятя князя Бориса Нижегородского (Городецкого) 1365 г. и в этой связи не просил включить Нижний Новгород в состав особой Литовской митрополии. Должно быть, в не дошедшем до нас обращении Ольгерда к патриарху содержались какие-то жалобы на митрополита Алексия, может быть, отмечались его попытки влиять на православное население Великого княжества Литовского и на союзников Ольгерда, но вопрос о разделении митрополии еще не стоял. Очевидно, Федор побывал у Филофея уже после Аввакума, иначе значительную часть Ольгердовых претензий к Алексию Филофей направил бы в Москву с Аввакумом еще летом 1370 г. Затем Федор выехал в Литву и не ранее

³⁹ Там же. Прил. № 17. Стб. 108.

⁴⁰ См.: Там же. Прил. № 26. Стб. 152.

⁴¹ Там же. Прил. № 16. Стб. 102; № 17. Стб. 108.

⁴² Там же. Прил. № 20–21. Стб. 117–124.

⁴³ Там же. Прил. № 18. Стб. 109–114.

⁴⁴ Там же. Прил. № 19. Стб. 115–118.

⁴⁵ Там же. Прил. № 16. Стб. 102.

⁴⁶ Там же. Прил. № 25. Стб. 146.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 92.

конца августа или сентября 1370 г. доставил Ольгерду ответное послание патриарха.

Выстраивая цепочку названных посланий, можно заметить, что московская сторона писала Филофею о нападении Ольгерда конца 1368 г.; Филофей спрашивал об этом Ольгерда; соответственно, Ольгерд вынужден был отвечать на жалобы московской стороны по поводу своего первого похода на Москву, а не второго⁴⁸, как полагал Г. Пашкевич.

Литовский господарь писал, что не он начал нападать, первой стала нападать московская сторона: 1) «Шурина моего князя Михаила клятвенно зазвали к себе, и митрополит снял с него страх, чтобы ему прийти и уйти по своей воле, но его схватили» — речь о событии 1368 г.⁴⁹; 2) «Зятя моего нижегородского князя Бориса схватили, и княжество у него отняли» — речь о событии начала 1365 г.⁵⁰; 3) «Напали на зятя моего новосильского князя Ивана и на его княжество, схватили его мать и отняли мою дочь, не сложив клятвы, которую имели к ним» — недатированное событие; 4) «Против своего крестного целования взяли у меня города: Ржеву, Сишку, Гудин, Осечен, Горышено, Рясну, Луки Великие, Кличен, Вселук, Волго» — ржевские городки, которые летом 1368 г. захватил князь Владимир Андреевич⁵¹; 5) Забрали «Козлов, Липицу, Тесов» — городки Вяземского княжества; 6) «Хлепень, Фомин Городок, Березуеск» — городки Фоминско-Березуйского княжества; 7) «Калугу, Мценск» — городки верховьев Оки [Темушев, с. 136–138]. Из перечисленных событий как минимум три произошли до осени 1368 г., они действительно являлись мотивом для первого похода Ольгерда на Москву в конце того же года. Остальные события не датированы.

Порубежное противостояние между Москвой и Литвой в значительной степени велось руками местных князей и бояр, с использованием их личных локальных амбиций. Аналогичный опыт войн конца XV — начала XVI в. показывает, что в летописях отражалась лишь малая доля «обидных дел» местного значения, известных из дипломатической переписки. Фоминские князья происходили из вяземской ветви смоленских князей. Их предки еще в 1345 г. получили на московской службе Волок Ламский [Кучкин, 2003, с. 256]. Представители их рода претендовали и на Ржеву. Бывшая смоленская волость Ржева отошла к Литве в 1356 г., затем в 1358 г. ее заняли волоцкие и можайские войска, но зимой 1359–1360 г. ее снова захватила Литва⁵². Должно быть, тогда же фоминские князья с волоцкими войсками пытались отстоять свои исконные вотчины, на которые покушалась Литва [Чернов, с. 160–166; Темушев, с. 105–107]. Фоминско-Березуйское княжество являлось плацдармом для нападения на Ржеву, поэтому можно думать, что оно было отвоевано у Литвы до похода московских войск на Ржеву 1368 г. Затем зимой 1369–1370 г. московские и волоцкие войска «воевали Смоленскую волость», но конкретная цель их похода в летописи не указана⁵³. Вероятно, весной 1370 г. московский князь «посылал воевать Брянска»⁵⁴. Это выражение может означать нападение на брянские анклав в верховьях Оки. Среди них известен Любутск⁵⁵. Однако нет полной уверенности в том, следует ли относить к таковым Калугу и Мценск. Так или иначе, слово «воевати» означает — «вести военные действия», но еще

⁴⁸ Митрополичьи жалобы о втором походе Ольгерда на Москву могли прибыть в Константинополь не ранее сентября 1371 г. с Аввакумом, о чем мы скажем далее.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 87.

⁵⁰ Там же. Стб. 77–78.

⁵¹ Там же. Стб. 87.

⁵² Там же. Стб. 65, 67, 68, 69.

⁵³ Там же. Стб. 91.

⁵⁴ Это известие в Рогожском летописце записано сразу после упоминания о весеннем полове (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 92).

⁵⁵ Кажущееся расхождение летописной терминологии с реальной целью зафиксировано под 1402 г., когда рязанские войска «иде ратью на Брянскъ», но были разбиты под Любутском (ПСРЛ. Т. XXV. С. 231). Противоречие разрешается, если учесть, что брянские бояре Ослябя и Пересвет были уроженцами Любутска (Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 39, 285). Следовательно, Любутск был брянским городом.

не говорит о взятии городов. Думается, ясность в датировку захвата перечисленных Ольгердом городов вносят его собственные слова, написанные после перечня «обидных дел»: «и мы, не стерпя всего того, напали на них самих»⁵⁶. Как было показано выше, Ольгерд оправдывался за свой поход на Москву конца 1368 г. Следовательно, все перечисленные им «обидные дела» произошли до осени 1368 г.⁵⁷

Также Ольгерда волновали бегства его порубежных слуг на сторону Москвы. Он писал Филофею: «кто поцелует крест ко мне и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование... Иван Козельский, слуга мой, целовал крест ко мне со своею матерью, братьями, женою и детьми, что он будет у меня, и он, покинув мать, братьев, жену и детей, бежал, и митрополит Алексей снял с него крестное целование. Иван Вяземский целовал крест, и бежал и порук выдал, и митрополит снял с него крестное целование. Нагубник Василий целовал крест при епископе, и епископ был за него поручителем, и он выдал епископа в поруке, и бежал, и митрополит снял с него крестное целование»⁵⁸. Иваны Козельский и Вяземский были далеко не рядовыми слугами. С бегством на московскую службу Ивана Вяземского (родственника фоминских князей) могла быть связана борьба за Козлов, Липицу и Тесов. Иван Козельский (вероятно, имеется в виду Иван Федорович Шонур) впоследствии тоже мог претендовать на часть родовой вотчины⁵⁹. Василий, видимо, был наместником Ольгерда в каком-то значимом городке — может быть, во Мценске? В таком случае, под поручившимся за него епископом предположительно следует подразумевать брянского владыку Парфения, поставленного Алексием в 1363 г.⁶⁰

Говоря о митрополите Алексии и князе Дмитрие, Ольгерд не случайно подчеркивал: «они напали». Как позже писал патриарх Антоний, «когда великий князь московский Иоанн, умирая, возложил на него (на Алексия. — Р. Б.) попечение, заботу и промышление о своем сыне Дмитрие, то он весь предался этому делу... принял на себя... мирское начальствование, вследствие чего... увлекся в войны, брани и раздоры»⁶¹. Митрополит Алексей до своей смерти не только сохранял политическое влияние, но и имел войско. В формулярном изводе из договора Василия I с митрополитом Киприаном отразился порядок, который существовал еще при Алексии: в случае войны его бояре должны были выступать в поход под стягом московского князя, но под руководством особого митрополитчьево воеводы⁶². Об Алексии Ольгерд отзывался самым не лестным образом: «И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит!»; «По твоему (патриаршему. — Р. Б.) благословиению... благословляет московитян на пролитие крови»; «Мы зовем митрополита к себе, но он не идет к нам. Дай нам другого митрополита...».

О своем прежнем нападении на Москву Ольгерд заявлял, что, не стерпев неприятельских действий московитян, действительно напал на них. Затем же писал: «а если не исправятся ко мне,

⁵⁶ РИБ. Т. VI. Прил. № 24. Стб. 135–138.

⁵⁷ Ранее к схожей датировке склонялся С. М. Кучинский [Kuczyński, s. 192–193].

⁵⁸ РИБ. Т. VI. Прил. № 24. Стб. 137–140.

⁵⁹ В историографии высказывалось мнение, что под Иваном Козельским следует подразумевать князя Ивана Титовича [Зотов, с. 298]. Однако он был женат на дочери князя Олега Рязанского. Его брат князь Святослав Титович был женат на дочери Ольгерда и Ульяны Тверской (брак состоялся не ранее середины 60-х годов XIV в.) (ПСРЛ. М., 2000. Т. XI. С. 26). Непонятны мотивы, по которым князь Иван Титович должен был бежать от Ольгерда. Между тем к 1371 г. на московской службе находилось трое сыновей князя Ивана Федоровича Шонура Козельского (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 98). По семейной легенде, он выехал на московскую службу якобы еще при Иване Калите. Княжение с его детей было снято. Однако, по всей видимости, он сохранял за собой долю в Козельске. Затем его потомки претендовали на Козельск под властью Москвы еще и в первой четверти XV в. [Лихачев, с. 433–437]. Поэтому не исключено, что еще в конце 50-х — начале 60-х годов XIV в. Иван Шонур Козельский вынужден был примириться с Ольгердом, а при изменении политической ситуации — снова бежать к Москве, временно оставив жену и часть своих детей.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 75.

⁶¹ РИБ. Т. VI. Прил. № 33. Стб. 198.

⁶² Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. Вып. 1. № 3. С. 68.

то и дальше не буду их терпеть». Эти слова показывали готовность Ольгерда выступить в новый поход на Москву. Между тем московско-тверские отношения снова обострились.

Летом 1370 г. князь Михаил Тверской послал в Москву своего владыку для переговоров о мире. Однако 20 августа московская сторона отвергла его предложение. В начале сентября князь Дмитрий Московский с волочанами напал на тверские волости. Князь Михаил сначала бежал в Литву, а потом в Орду к Мамаю, где получил ярлык на великое владимирское княжение. Затем Ольгерд вместе с князем Михаилом и князем Святославом Смоленским осуществили второй поход против князя Дмитрия Московского. 26 ноября они напали на Волок Ламский, оттуда пошли к Москве и стояли под городом больше недели. В это время князь Владимир Андреевич стоял в Перемышле, а к нему на помощь пришел князь Владимир Пронский. Услышав об этом, Ольгерд стал просить мира. Князь Дмитрий заключил с ним перемирие до Петрова дня (29 июня 1371 г.). Однако Ольгерд захотел «вечного мира» и с этой целью предложил выдать свою дочь за князя Владимира Андреевича⁶³.

Вскоре московско-тверское противостояние получило новое развитие. 10 апреля 1371 г. от Мамаю в Тверь пришел посол и принес князю Михаилу новый ярлык на великое владимирское княжение. Однако великий князь Дмитрий с князем Владимиром не пустили его на великокняжеские волости. Предстоял суд в Орде. В этой связи, видимо, в конце мая — середине июня князь Михаил Тверской послал в Орду своего сына князя Ивана⁶⁴. Тогда же князь Михаил направил к патриарху Филофею своего человека, желая судиться с митрополитом Алексием⁶⁵.

Однако Ольгерд в этом году не захотел быть помощником князю Михаилу. С момента заключения перемирия с Москвой в декабре 1370 г. литовский господарь желал заключить «вечный мир». 15 июня 1371 г. князь Дмитрий Московский тоже выехал в Орду для спора о великом княжении. Митрополит Алексий проводил его до Оки и вернулся в Москву. Тогда же, видимо, накануне Петрова дня, когда истекал срок перемирия, в Москву прибыли литовские послы, но отсутствие московского князя их не смутило. Они заключили «вечный мир» с митрополитом Алексием, который выступал представителем московского князя⁶⁶. Тогда же князь Владимир Андреевич был обручен с дочерью Ольгерда Еленой⁶⁷. Их брак состоялся зимой 1371—1372 г.⁶⁸

Таким образом, А. Е. Пресняков с полным на то основанием отмечал, что аргументы П. П. Соколова о датировке письма Ольгерда патриарху Филофею по существу приемлемы. Также нужно отдать должное наблюдениям на этот счет Е. Е. Голубинского. Стоит лишь уточнить, что письмо Ольгерда было написано после того, как его человек Федор привез ему из Константинополя письмо патриарха Филофея с жалобами митрополита Алексия (не ранее конца августа — сентября 1370 г.), и до того времени, как до Ольгерда дошла весть о смерти польского короля Казимира. В этот момент, с одной стороны, Ольгерду пришлось оправдываться за свой поход на Москву 1368 г., а с другой — допускать возможность второго похода, который состоялся в конце ноября — начале декабря 1370 г. Одновременно он весьма неподготовленно пытался опередить короля Казимира и инициировать разделение митрополии Киевской и всея Руси, даже не имея своего претендента на пост литовского митрополита. После заключения перемирия с московской стороной в декабре 1370 г. литовский господарь больше года не планировал новых походов против Москвы. Он желал достижения «вечного мира», даже если его придется заключать с митрополитом Алексием. Таким

⁶³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 92—95.

⁶⁴ Там же. Стб. 95—96.

⁶⁵ РИБ. Т. VI. Прил. № 26—27. Стб. 149—154.

⁶⁶ Согласно описи царского архива 1626 г., в нем хранилась «докончатная грамота Олексея митрополита всея Руси с послы великого князя Ольгерда, как они приходили к великому князю Дмитрею» (Опись архива Посольского приказа 1626 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 34).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 95—96.

⁶⁸ Там же. Стб. 99.

образом, письмо Ольгерда патриарху Филофею следует датировать приблизительно сентябрем — началом ноября 1370 г.

Вновь перенесемся в Константинополь. По всей видимости, упомянутое выше послание короля Казимира могло быть составлено приблизительно в апреле — июне 1370 г. Оно прибыло к патриарху Филофею уже после того, как летом 1370 г. митрополичий посол Аввакум отбыл в Москву. Иначе Филофей через Аввакума предупредил бы Алексея о готовящемся отделении Галицкой митрополии. Не исключено, что в Константинополе делегацию от Казимира застал человек Ольгерда Федор. Вскоре после того как Федор прибыл назад к Ольгерду, последний составил второе за год послание к патриарху. Как и в послании Казимира, в нем сообщалось, что митрополит Алексей не посещает западнорусские епархии, и выдвигались требования о разделении митрополии Киевской и всея Руси. Однако Ольгерд желал иметь в составе Литовской митрополии и Малую Русь, в чем соперничал с королем Казимиром. Случай с отделением Галицкой митрополии показывает, как отсутствие быстрой и надежной связи с Восточной Европой влияло на принятие патриархом решений. Позже Филофей заявлял, что поддался словам Казимира и не смог отсрочить его дело потому, что в случае отказа польский король угрожал крестить своих православных подданных в латинскую веру⁶⁹. По всей видимости, зимой и ранней весной новые вести из Польши обычно не поступали. Даже к маю 1371 г. Филофей еще не знал, что Казимир умер в ноябре прошлого года, и тем самым его угрозы отпали сами собой.

В той же плоскости лежит ответ на вопрос: почему лишь в конце лета 1371 г. Филофей составил послание к Алексею, в котором выражал свои озабоченности посланиями Казимира и Ольгерда, упоминал о майском поставлении особого галицкого митрополита и цитировал прошлогоднее письмо литовского господаря?

По-видимому, все лето 1371 г., то есть до конца года греческого календаря (9 индикта), патриарх ждал нового посольства из Москвы, которое должно было прибывать ежегодно. Однако, не дождавшись (такие прецеденты уже были), в самом конце августа послал к митрополиту Алексею своего человека Иоанна Докиана⁷⁰. Когда Иоанн отправился в путь, уже в начале сентября (10 индикта) Филофей получил послание от князя Михаила Тверского (на тот момент формально великого князя владимирского), который желал судиться с митрополитом. Филофей назначил суд между ними на сентябрь следующего года и просил прибыть в Константинополь их самих или их людей. В этой связи он составил соответствующие письма к Алексею и к князю Михаилу Тверскому⁷¹. Иоанну Докиану либо пришлось возвращаться в Константинополь, либо новые письма патриарха были доставлены ему гонцом уже в пути. Однако затем к Филофею все-таки прибыл митрополичий человек Аввакум и принес обнадеживающие вести, которые позволили патриарху существенно сменить тон. По всей видимости, до конца июня (до Петрова дня) 1371 г. Алексей ждал прибытия литовских послов в Москву, через них заключил «вечный мир» с Ольгердом и только потом отправил Аввакума в Константинополь. В таком случае Аввакум прибыл к патриарху в середине сентября — начале октября. Вскоре ему предстояло отправиться в обратный путь, чтобы еще до начала сильных штормов и до заморозков успеть пересечь Черное море. Получив вести из Москвы, Филофей написал Ольгерду, чтобы впредь он любил и почитал Алексея и с великой честью принимал его в Великом княжестве Литовском. Самому же Алексею и князю Михаилу Тверскому пожелал примириться между собой⁷². Другое дело, что тем самым погасить московско-тверской конфликт так и не удалось.

Обозначенная датировка письма Ольгерда ставит и новые проблемы, в частности вопрос о

⁶⁹ РИБ. Т. VI. Прил. № 23. Стб. 129–134; № 25. Стб. 143–146.

⁷⁰ Там же. Прил. № 25. Стб. 147–148.

⁷¹ Там же. Прил. № 26–27. Стб. 149–154.

⁷² Там же. Прил. № 28–29. Стб. 155–166.

его дочерях. В историографии устоялось мнение, что именно в то время, когда в 1370 г. московские войска ходили «воевать Брянска», они отобрали у Литвы Калугу и Мценск, отняли княжество у князя Ивана Новосильского и пленили его неизвестную по имени жену, которая была дочерью Ольгерда [Кучкин, 1980, с. 78; Горский, 1996, с. 91–92; Шеков, с. 122–123]⁷³. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в своем письме сентября — начала ноября 1370 г. Ольгерд вспоминал об этой дочери. При этом не упоминал о ее детях. Видимо, к моменту пленения она не имела детей. Во время заключения перемирия в декабре 1370 г. вновь был поднят вопрос о дочери Ольгерда. Если предположить, что в то время жена князя Ивана Новосильского находилась в московском плену, то для заключения «вечного мира» требовалось определиться с ее дальнейшей судьбой. В итоге условием для заключения «вечного мира» стал брак дочери Ольгерда княгини Елены с князем Владимиром Андреевичем.

Тем не менее сопоставление жены князя Ивана Новосильского с женой князя Владимира Андреевича выглядит слишком опрометчивым. Во-первых, князь Владимир не был обручен немедленно в декабре 1370 г. Напротив, его обручения с княгиней Еленой Ольгердовной пришлось ждать еще полгода, а свадьбы — целый год. Во-вторых, история Новосильского княжества может быть истолкована иначе.

Еще раз заметим, что свое первое нападение на Москву в конце 1368 г. литовский господарь объяснял тем, что не смог стерпеть «всего того», а именно — нападения митрополита Алексия и князя Дмитрия Московского на его родственников: на князя Михаила Тверского — в 1368 г.; на князя Бориса Нижегородского — в начале 1365 г.; на князя Ивана Новосильского — в неизвестное время. Не выстроен ли этот перечень по порядку от самого позднего события к самому раннему? Тот же вопрос будет справедлив и по отношению к списку отнятых у Ольгерда городов.

Не менее важно отметить, что поводом для вмешательства митрополита Алексия в тверские и суздальско-нижегородские дела были споры и междоусобицы самих тверских и суздальско-нижегородских князей. Алексей выступал верховным судьей, вызывал князей на суд в Москву, при этом оказывал на них давление через местных епископов⁷⁴. Лишь затем князь Дмитрий Московский, видимо, как гарант исполнения судебных решений митрополита, мог применить силу. Поскольку тверские, нижегородские и новосильские события Ольгерд ставил в один ряд, то стоит обратить внимание на схожие ситуации в северо-восточной части Черниговской земли.

Литовское влияние вплотную приблизилось к верховьям Оки еще с 1357 г., когда под верховную власть Ольгерда отошел Брянск⁷⁵. Затем до 1360 г. литовский митрополит Роман самовольно овладел Брянской епархией, а также побудил Ольгерда «восстать против города Алексина и разорить тамошних христиан»⁷⁶. Алексин находился в северо-восточной части Брянской епархии на реке Оке [Беспалов, 2012, с. 58], но со времен митрополита Петра входил в состав митрополичьих владений и в 1360 г., видимо, подчинялся митрополиту Алексию⁷⁷. Можно думать, что поход на Алексин был для литовских войск неудачным. Вскоре как у литовской, так и у московской стороны появилась новая возможность для продвижения своих интересов в Черниговской земле, и возник новый повод для столкновения между собой.

Зимой 1362–1363 г. умер митрополит Роман. Накануне, в 1362 г. по Брянску, Новосилу и Коршеву прокатилась эпидемия чумы⁷⁸. Может быть, от нее же умер прежний брянский владыка,

⁷³ Справедливость этого сопоставления предполагалась и мной [Беспалов, 2014, с. 265–266].

⁷⁴ См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 74–75, 81, 84, 87.

⁷⁵ Там же. Стб. 65. О борьбе московских и литовских князей за Черниговские земли до середины XIV в. см.: [Флоря, 1982, с. 60–69].

⁷⁶ РИБ. Т. VI. Прил. № 14. Стб. 85–88.

⁷⁷ По мнению ряда историков, Алексин был куплен митрополитом Петром у тарусских князей [Веселовский, с. 335–336; Горский, 2004, с. 176]. Однако из источников не известно, кому этот город принадлежал до митрополичьей «купли» (АФЭХ. М., 1951. Ч. 1. № 1. С. 23; ПСРЛ. М., 2000. Т. X. С. 220). Например, он мог быть брянским городом, как и соседний Любутск.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 73.

который управлял Брянской епархией под началом митрополита Романа. Летом 1363 г. Алексей ездил в Литву, после чего выдвинул на брянскую кафедру своего ставленника Парфения⁷⁹. Позже патриарх Нил признавал, что далее Алексей «не находил нужным оставить многолюдную страну и великую Церковь и отойти к малому остатку киевской паствы», но «один из соседних епископов, когда было нужно, исполнял в Киеве потребные священнодействия»⁸⁰. По всей видимости, этим епископом был Парфений. Может быть, Ольгерд вынужденно пошел на эту уступку. Летом 1364 г. княгиня Анастасия Тверская (жена князя Александра и мать князя Михаила) привозила в Тверь свою внучку — некрещеную дочь Ольгерда и Ульяны Александровны. Митрополит Алексей ездил в Тверь и крестил ее⁸¹. Однако Брянская епархия для Ольгерда была потеряна. Даже в 1370 г. он не смог потребовать включить ее в состав Литовской митрополии⁸².

Тем не менее Ольгерд тоже воспользовался запустением, которое принесла эпидемия чумы. Согласно Рогожскому летописцу, в 1363 г. «Литва взяли Коршевъ и створишас(я) мятежи и тягота людемъ по всеи земли»⁸³. К сожалению, город пока не локализован. Однако известно, что он располагался на реке Сосне (Быстрой Сосне)⁸⁴. По ней проходил водный путь из Верхнего Подонья в Посемье. Через перевоз на Сосне проходила дорога в Крым (Муравский шлях). Эта область имела большое значение для транзита людей и товаров. Совсем рядом располагался ослабленный мором Новосиль⁸⁵, однако литовские войска не стали его захватывать. Либо Ольгерд уже находился в союзе с князем Иваном Новосильским, либо заключил с ним мир во время похода 1363 г. В результате этого союза Ольгерд и выдал свою дочь за новосильского князя. По всей видимости, союзники Ольгерда не должны были пострадать от похода литовских войск на Коршев, напротив, могли получить от них поддержку. В таком случае, летописное сообщение «створишас(я) мятежи и тягота людемъ по всеи земли» говорит о том, что в земле союзников Ольгерда были притеснены их противники, которые подняли мятеж и которым сочувствовал летописец. Так были созданы предпосылки для вмешательства московской стороны в этот конфликт. Может быть, вследствие этих событий с помощью владыки Парфения митрополит Алексей сначала задействовал свой обычный церковно-административный ресурс. Лишь затем, вероятно, около 1364 г. московские войска совершили поход на Калугу, Мценск и Новосиль, отняли княжество у князя Ивана Новосильского, взяли в плен его жену — дочь Ольгерда. К сожалению, в летописях Северо-Восточной Руси эти события не зафиксированы. Однако, во-первых, летописные сведения о событиях XIV в., произошедших в черниговских землях, вообще крайне скудны; во-вторых, письмо Ольгерда сообщает целый ряд и других уникальных сведений, которые не отразились в других источниках.

⁷⁹ Там же. Стб. 75.

⁸⁰ РИБ. Т. VI. Прил. № 30. Стб. 170.

⁸¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 76.

⁸² По мнению А. А. Горского, брянский князь самовольно допустил поставление Алексием брянского епископа и тем самым провинился перед Ольгердом. Согласно Любедскому синодику, великий князь Роман Михайлович Брянский был женат на княгине «Марии Корчевской» [Зотов, с. 26–27]. А. А. Горский предположил, что она происходила из Коршева, и допустил, что князь Роман Брянский вынужден был бежать туда, из-за чего вскоре Ольгерд захватил этот город [Горский, 1996, с. 90–91]. Однако А. В. Кузьмин обратил внимание на то, что в Любедском синодике в титуле «Марии Корчевской» опущена одна буква. Во Введенском Печерском синодике она поминается как «Мария Корачевская», следовательно, происходила из Карачева [Кузьмин, с. 198–199; Поменник, с. 18]. Более того, великий князь Роман Михайлович Брянский мог быть совсем непричастен к появлению в Брянске владыки Парфения. Достоверно известно, что брянским князем он стал к началу 70-х годов XIV в. В конце 50-х — начале 60-х годов XIV в. в Брянске мог княжить его предшественник (вероятно, отец) — великий князь Михаил Александрович (см.: [Зотов, с. 26]).

⁸³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 75.

⁸⁴ В «Списке городов дальних и ближних» имеется запись: «Путивль на Семи, Рьлескъ, Курескъ на Тускоре, Коршовъ на Сосне» [Тихомиров, с. 223, 234]. Как показал А. В. Подосинов, порядок перечисления городов в Списке зачастую очерчивал маршруты движения [Подосинов, с. 40–48]. По всей видимости, представления составителя Списка о географическом пространстве, в том числе, исходили и из того, что по реке Сейму от Путивля до Курска и далее до Коршева проходил некий путь.

⁸⁵ От Новосила до реки Труды (левый приток реки Сосны) — порядка 25 км; до реки Сосны — порядка 60 км.

В конце своего письма к патриарху Ольгерд просил дать ему особого митрополита, в том числе на Тверь, Нижний Новгород и Новосиль. Однако к осени 1370 г. Ольгерду до некоторой степени удалось поддержать только своего шурина князя Михаила Тверского. В отличие от Твери, Нижний Новгород и Новосиль не имели своих епархий. Князь Борис Константинович еще в 1365 г. взамен Нижнего Новгорода получил Городец⁸⁶. С тех пор он уже не являлся нижегородским князем. Новосиль же отошел к союзнику Москвы князю Роману Семеновичу Новосильскому⁸⁷. Князь Иван должен был получить какой-то новосильский удел⁸⁸. Очевидно, к осени 1370 г. он был еще жив, но в дальнейшем, видимо, сошел с политической сцены. В других дошедших до наших дней источниках он не упоминается, о его потомстве тоже ничего не известно.

Таким образом, к 60-м годам XIV в. своим родством и следующей за ним политической программой Ольгерд со всех сторон обложил Москву, затронув ее коренные интересы. Однако в военном отношении русские родственники Ольгерда без его помощи не могли противостоять великому князю Дмитрию, а сил Ольгерда на всех не хватало. Москва была достаточно сильна для того, чтобы дать им отпор, что и вызывало недовольство литовского господаря. Еще П. П. Соколов отметил, что его требования к Филофею в 1370 г. представляли «скорее результат личного раздражения, чем серьезного отношения к делу» [Соколов, с. 401]. Действительно, по меньшей мере, некоторые желания Ольгерда носили лишь декларативный характер. На их осуществление было слишком мало шансов. Почти девять лет после смерти литовского митрополита Романа патриарх Филофей был противником нового разделения митрополии Киевской и всея Руси на московскую и литовскую части⁸⁹. Осенью же 1371 г. он, видимо, узнал о заключении мира между Алексием и Ольгердом и получил надежду на то, что нового разделения митрополии не потребуется.

Литература

- Беспалов Р. А. Литовско-одоевский договор 1459 года: обстоятельства и причины заключения // *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2012. Т. IV. Р. 45–62.
- Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI веков // *Средневековая Русь*. М., 2014. Вып. 1. С. 257–326.
- Борзаковский В. С. История Тверского княжества. М., 2006.
- Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.
- Голубев О. Е. Комплекс документов дипломатической переписки константинопольского патриарха Филофея Коккина с правителями и епископатам русских земель как источник по истории Восточной Европы XIV в. // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. Мінск, 2009. Вып. 10. С. 158–177.
- Голубинский Е. [Е.] История русской Церкви. Период второй, московский. М., 1900. Т. II. Первая половина тома.
- Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // *Средневековая Русь*. М., 1996. Вып. 1. С. 76–110.
- Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 5. С. 114–190.
- Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // *ЖМНП*. СПб., 1847. Ч. LIV. № 6. Отд. 2. С. 131–164.
- Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Кіпв; Львів, 1907. Т. IV.
- Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.
- Кузьмин А. В. Верховские княжества // *Большая российская энциклопедия*. М., 2006. Т. V. С. 197–199.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 78.

⁸⁷ В качестве союзника Москвы князь Роман Новосильский впервые упомянут в походе на Тверское княжество в 1375 г. (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 110–111).

⁸⁸ А. В. Шеков на основании «Списка городов дальних и ближних» полагает, что князь Иван Новосильский мог владеть Воротыньском [Шеков, с. 70].

⁸⁹ РИБ. Т. VI. Прил. № 15. Стб. 91–98.

- Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.
- Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 26–112.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
- Любавский М. К. Образование основной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3.
- Подосинов А. В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40–48.
- Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври. Київ, 2007. (Лаврський альманах. Вип. 18).
- Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.
- Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
- Севастьянова О. В. Древний Новгород. Новгородско-княжеские отношения в XII – первой половине XV в. М.; СПб., 2011.
- Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
- Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.
- Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // ИЭ. М., 1952. Т. XL. С. 214–259.
- Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 142–173.
- Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 58–78.
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
- Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование служилой корпорации. М., 1998.
- Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI вв. М., 2012.
- Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- Krüger H. Ein Brief des Litauerfürsten Olgerd an den Patriarchen von Konstantinopel // Mitteilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft. Heft 29. (V. 5). Heidelberg, 1907. S. 358–361.
- Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.
- Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge, 1981.
- Paszkievicz H. Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. T. I: Litwa a Moskwa w 13 i 14 wieku.